

МИХАИЛ
НЕБОГАТОВ

*Ветерные
огни*

СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ

Кемеровское
книжное издательство
1989

ББК 84.3Р7
Н39

«В пути, раздумьем раненный, оглянешься назад...» Это стихотворение М. Небогатова—своеобразный ключ к новому сборнику стихов известного кузбасского поэта. Воспоминания о детстве и фронтовых дорогах, размышления о смысле жизни и творчества—основные темы этой книжки.

Читателей, как всегда, порадует умение М. Небогатова на редкость точно выразить различные состояния человеческой души и природы, добрый, целомудренный, в чем-то даже наивный взгляд на мир лирического героя. Кредо самого поэта: «Ни мысли нет, ни чувства нет такого, чтоб не сумело выразить их слово».

Н 4702010202—30 89
М 145(03)—89

ISBN 5—7550—0064—6

© Кемеровское книжное издательство, 1989

В пути, раздумьем раненный,
Оглянешься назад.
Там, в дали затуманенной,
И рай, и вместе ад:

И мир под сенью синею,
Где зов любви: живи!
И дым над всей Россией
Багровый, как в крови.

ЗМЕЙ

...Вот закачался он над крышей,
Кренясь от тяжести хвоста,
Потом все дальше, выше, выше,
Туда, где неба даль чиста
Как высоко
Квадрат бумажный
Взлетел, оклесный крестом!
Уже играет
Плавно,
Важно,
Как плавником —
Большим хвостом.
А здесь —
Деревня, лес,
Лужайка,
Где из высоких сочных трав
Следит за ним
Ребятчья стайка,
Вихры восторженно задрал.
А змей парит,
Как детство, дивный,
Далекий от житейских бурь.
И только грохот
Реактивный
Бьет, словно в колокол,
В лазурь.

У ПЕРЕКАТА

Я сижу у мельнички
С удочкой в руке.
Как сверкают ельчики,
Взвившись на крючке!

Ну, теперь в бидонное
Озерцо ныряй!..
Солнце. Высь бездонная.
Рябь теней от свай.

За мостом — излучина.
Там, у скал, всегда
Вся жгутами скручена
Пенная вода.

А в другую сторону
Переводишь взгляд —
Видишь гладь просторную
Быстрый перекаат.

Он гремит у ельничков —
Слышно даже здесь.
Словно стая ельчиков,
Серебрится весь!

БУКЕТ

Цвет черемушный
В желтых накрапах
С огоньками —
В букете одном.
Удивительный в комнате запах,
Как в глухом закоулке лесном.

Дар природы, подольше всех радуй
Затяжному ненастью назло!..
От черемухи веет прохладой,
Огоньки излучают тепло.

С ПОКОСА

Едем всех, наверно, позже,
Все уехали давно.
Брат подергивает вожжи
И покрикивает: — Н-но!

Чуть скрипит гужами Карька,
Неторопко семеня.
И болтается дегтярка
Сзади, сбоку от меня.

Теплый вечер цвета пепла
Утвердился на земле.
Даже звездочка ослепла,
Словно искорка в золе.

Одному бы страшновато,
Но хотя и дальний путь,
За спиной широкой брата
Мне не боязно ничуть.

Вспоминать не перестану,
Как, тревогам всем назло,
Я привик, прильнул к братану,
Чую пот его, тепло.

Вот опять он дернул локтем:
— Н-но!..
Густеет сумрак-дым,
Горьковато пахнет дегтем,
Сладко — сеном молодым.

Я рос в семье, где добывали
Насущный хлеб своим горбѣм.
Где, помню, до свету вставали
При звезд мерцаньи голубом.
И через времени завесу
Все вижу, вижу я вдали:
Отца недвижимого из лесу
Во двор на дровнях привезли...
Я помню мамину кручину —
Нужда вошла под хмурый кров.
И на меня, как на мужчину,
Лег труд отцовский — пилка дров.
О, как завидовал я Славке,
Дружку, — он в первый класс пошел!
Я из окна, присев на лавке,
Смотрел печально — бос и гол.
Под вечер он в дыму метели
Скрипел пимами во дворе.
И допоздна мы с ним смотрели
Картинки в новом букваре.
А то до полночи свинцовой
Мать, подавляя боль и грусть,
Стихи Некрасова, Кольцова
Мне говорила наизусть.
Мне до сих пор все это мило:
Картинки те из букваря,
Метель, что окна серебрила,
Со мной стихами говоря...

Полями ли шагаю,
На лес ли засмотрюсь,
Во всем я замечаю
Задумчивость и грусть.

О чем молчанье стога —
Мне не расскажет он.
Куда ведет дорога?
О чем вздыхает клен?

Вдали закат пылает.
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
В его сухом огне.

* * *

Помню первый свой в жизни стишок:
«Всюду зелени чуткое море».
Помню, как он волненьем обжег
В летнем сине-зеленом просторе.

Я, мальчишка — на горке в лесу,
А внизу — городьба, огороды...
Так вот — с детства — в себе и несу
Чувство родины, чувство природы.

* * *

Работой радостной полна
Душа: я для печурки,
Вздымая тяжесть колуна,
Раскальваю чурки.

Удар — и чурка пополам!
К земле прижалась боком.
И, словно соты новых рам,
Медовым пахнет соком.

Растет поленница, растет...
Зимой не знать заботы —
Дыханьем лета в дом войдет
Тепло моей работы.

* * *

За селом, где стога,
Где прощально разносятся звуки
Журавлиной печали,
На юг зазывающей в путь,
Распростерлись дороги,
Как будто усталые руки
Хлебороба, который
Прилег от трудов отдохнуть.

Мерно грудь его дышит —
Равнина земная,
Как щетина, стерня —
Он давненько не брился, оброс.
Над березовым колком
Склонилась заря золотая,
Как над шапкой
Его золотистых волос.

В вечереющем свете
Дремотно мерцают озера,
Как глаза молодые,
Что теплятся синью густой.
И от этого доброго
Синего-синего взора
Хорошо так душе
На привольной равнине степной...

ЯГОДЫ

Тени. Солнца блики.
На цветке — пчела...
Радостные вскрики:
— Вот еще! Нашла!..

С корня земляничка —
Не в пыли с лотка.
Капля-невеличка,
А уж как сладка!

В туюське б оставить —
Там не скрыло дна,
Да во рту растаять
Просится она...

ИВАН КУПАЛА

Кто такой Иван Купала —
Ребятне не до того.
Искупать кого попало
В этот день важней всего!

Не дают дремать друг дружке.
— Хоп! — плеснул и — наутек,
Сам весь мокрый,
От макушки
До разутых, пыльных ног.

Над поселком туча мледа.
— Позабавься с нами! Ждем.
Постояла, не стерпела —
Тоже хлынула дождем!

де

В ЛЕСУ

Здесь лета краткого утра
В начале августа видна.
Как будто пламенем заката
Листва осин обожжена.

И белоствольные березки
Раздумья тихого полны —
И неприметны, и неброски
В печальных прядках
Желтизны.

Все чаще небо,
Скрыв завесой
Свою густую бирюзу,
Над пригорюнившимся лесом
Нет-нет да выронит слезу.

Между маем и сентябрем —
Время самое золотое.
Очень многое мы берем
От цветения и от зноя:

Силу зрелости для души,
Жажду жизни, ее отраду,
Знай работай, свое верши —
Не пустым придешь
К листопаду.

Золотой лучистый колос —
Солнце сникло за тайгой.
В этот миг раздался голос,
Женский голос над рекой.

День хороший провожая
И приветствуя закат,
Песня русская простая
Полилась с рекою в лад.

И трава в тени прибрежной
Зашумела враз сильней.
И хвоинок шелест нежный
Стал вдруг явственней,
Слышней.

И с волненьем возле брода
Долго слушал я тогда,
Как поет сама природа:
Лес,
 камыш,
 закат,
 вода...

НА КЛАДБИЩЕ

...Где просто столбик,
Где плита в ограде.
Трава сухая,
Небо в полумгле...
Со снимков смотрят люди.
В каждом взгляде —
Один вопрос:
— Ну, как там, на земле?..

* * *

Прозрачные сумерки летние
Коснулись прибрежных плетней.
Задумались ели столетние,
Теснясь к огородам плотней.

Люблю я вот эту привольную
Спокойную, строгую тишь.
С какой теплотою невольною
На мир задремавший глядишь!..

Осколком закатного золота
Блеснула звезда вдалеке.
Смеется задорно и молодо
Ее отраженье в реке.

За желтой тесовой оградой
Светлеет бревенчатый дом...
Всю жизнь мою будет отрадой
Мне добрая память о нем.

...
Ни мысли нет, ни чувства нет такого,
Чтоб не сумело выразить их слово.
Но иногда в задумчивой тиши
Молчание — как громкий крик души.

Вот дом. Крыльцо.
Окно с поблекшей рамой...
В последний раз я виделся тут с мамой.
Уже моя в седирах голова...
Ах, как мертвы, никчемны все слова!..

ПОДСОЛНУХИ

Пылил наш путь проселками
В шуршанье тишины
С полынью, с рожью, с елками
На обе стороны.

И вдруг, как солнца всполохи,
Сплошной стеной, подряд —
Подсолнухи, подсолнухи
Вдоль тесаных оград!

Не в поле порассыпаны —
Стоят, деревню скрыв.
Избушки в желтой кипени —
Как островки в разлив.

Скворечни в желтом мареве
В чудесном мире том,
И вся деревня — в зареве
Лучисто-золотом!

Подсолнухи, подсолнухи,
Как будто навсегда
Со всей Руси, веселые,
Сошлись они сюда.

И даже темной полночью
Пылают — благодать!
Нет, не Степной — Подсолнечной
Деревню бы назвать!

* * *

Бездонно в небе вольном и высоком.
Поля вокруг сонливы и тихи.
На солнцепеке земляничным соком
Природа пишет летние стихи.

Цветок к цветку,
Как слово к слову, лепит.
То песней прозвенит, а то замрет.
И трепет колосков, и речек лепет,
И мед гречишный —
Все в строку берет!

ПОСЛЕ РЫБАЛКИ

Долго мучает ночами
День прошедший рыбака:
Гладь взрябило обручами
От дрожанья поплавок.

Всплыл откуда-то подсолнух.
Где его я видеть мог?..
Это солнце, солнце в волнах —
Ярко-рыжий поплавок!

СТОГА

Вдоль реки, где заросли черемух,
Заливные сторожа луга,
В медно-рыжих кованных шеломах
Разбрелись, как ратники, стога.

Разбрелись и задремали стоя,
На стожары грузно опершись.
А вокруг, взывая на просторе,
Ветер так и носится — держись!

Ветер крутит все, что худосочно,
Все, что от земли оторвалось.
А они стоят спокойно, прочно,
Как стоять в России повелось.

Им просторы эти очень любы,
Им луга родные так близки!
Сеет дождь, и ветер хлещет грубый,
А стога не ведают тоски.

Низко-низко тучи проплывают —
Как коровьи тучные бока.
Спят стога и глубоко вдыхают
Из деревни запах молока.

Спят они, все в инее к рассвету,
И все ближе солнышко к стогам —
Величавым памятникам лету,
Что воздвигли люди по лугам.

КОЛОСОК

В глубоком кювете,
Что лег через лог,
Как память о лете,
Лежит колосок.

Он хрупок и тонок,
Промок от дождей —
Забытый ребенок
Осенних полей.

Судьба одиночек —
Вдыхай да тужи.
Грустит колосочек
О золоте ржи,

О теплой сушилке,
О братьях своих...
Один на развилке
Дорог полевых.

...
На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро и зло?

Зачем растет трава,
Что никнет под косой?
Зачем цветет, жива,
Под солнцем и росой?

...И снова — синева
И жаркий блеск в ответ:
Чтоб новая трава
Могла увидеть свет.

Чтоб дождь на ней блестел,
Как искорка в очах,
Кузнечик свиристел
И лютик не зачах.

Чтоб кто-то здесь прошел,
Весь мир обнять готов,
И под гуденье пчел
Нарвал букет цветов!

...
— Что поник ты, мой подсолнух,
Золотою головой
Возле грядок полусонных
Над зеленою ботвой?

Не сгибай ты низко шею,
Прислонись ко мне плечом —
Я понять тебя сумею:
Загрустил, скажи, о чем?

— Жалко семечки помалу —
Радость кровную свою —
Отдавать-дарить нахалу,
Дармоеду-воробью?

Подлетит он — мол, не трушу —
И покоя не даст —
Прямо в душу, прямо в душу
Распроклятый вор клюет!

— Вижу, как тебе несладко.
Грусть твоя — как в горле ком.
Воробьиная повадка...
С ней и в людях я знаком.

Как хороша вода бывает в зной
Из родника лесного, из-под крана!
Как будто мелочь, но ничуть не странно,
Что в ней — частица радости земной...

И то надолго память сберегла,
Как раненый я пил из черной лужи.
Что может быть на взгляд обычный хуже?
Но помню: лужа сладкою была.

ЛУГ ЗАЛИВНОЙ

Луг заливной все шире и зеркальней,
Метелей, стуж разорван долгий плен.
Разлив дошел до рожицы дальней
И затопил березки до колен.

Кунальщицами с радостным испугом
Стоят березки и чего-то ждут.
А над водою, над блестящим лугом
Сияет солнце, облака плывут.

И синь, и свет, и ветерок игривый,
И белизну стволов, и веток вязь —
Все отражает четко гладь разлива,
Все в нем живет, так празднично светясь.

Как будто для того и в самом деле
Здесь появилось зеркало воды,
Чтоб роща, небо увидеть сумели
Лицо своей весенней красоты.

В РАЗЛИВ

Парк весенний затоплен ручьями.
Здесь не скоро оттаяет земля...
Оголенные ветви штыками
Ощетинили все тополя.

Тускло светятся волны-накаты
Темной ночью при робкой звезде.
Так и кажется: это солдаты
Наступают по пояс в воде.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля озеленится маем,
А дни его — огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!

Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов,
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.

Но мчится время жестко и упрямо,
Фронтовиков былых все уже круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.

Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года —
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?

Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика —
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.

Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке — памятник живой:
Где взрыв чернел
Фонтаном смертоносным,—
Ее березам вспыхивать весной!

Русь не однажды в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы —
У пламени зеленого берез.

АПРЕЛЬ 1941-го

Апрель был солнечно-беспечным.
Шумел перрон, хмельной слегка.
С благословением извечным
Прильнула мать к плечу сына.
— Ну, что ты вдруг загоревала?
Я ж просто в армию иду...
Но сердце матери вещало
Еще неясную беду.
Доныне вижу: слезы льются,
В морщинках светятся они.
— Дай бог тебе живым вернуться.
Господь тебя оборони...
Но мне ничуть не до печали.
Лишь боль от скорбного лица.
А так — вся жизнь еще в начале,
И нет ей, кажется, конца.
С чего живым-то не вернусь я?
Покоем, миром жизнь красна.
И так безоблачно над Русью,
Такая ясная весна!
Я с мамой, с городом над Томью
Прощался, весело шутя.
Кто знал, что слезы эти вспомню
Всего два месяца спустя...

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

И представляю это до сих пор...
Выл сладок сон. Тиха была казарма,
Аел восток. И на него в упор
Смотрел фашист с открытого плацдарма.

Смотрел в бинокль, высок, изящен, свеж,
Красив своею статностью спортивной...
Выл берег тот не берег,
А рубеж,
Простор полей —
Простор оперативный.

Уже мосты —
Объекты переправ
Для гусениц, колес, бегущих ног ли...
Мир черепиц, садов, соборных глав —
Все четко, близко замерло в бинокле.

Мы спали. И дышалось так легко.
И ни одна душа из нас не знала,
Что за рекой —
Совсем недалеко —
Уже война
К прыжку ждала сигнала.

Призывники, мы так немного
Пожили мирно. Краткий срок...
Доныне слышу крик: «Тревога!»
В казарме — шум и топот ног.
Не понимая, что такое,
Поспешно спрыгивая с нар,
Увидел я в окно большое,
Как горизонт объял пожар.
А ближе, низко над домами,
Шел самолет, на вид — не наш:
Он и сейчас перед глазами —
Продолговатый фюзеляж.
Спросонок все так незнакомо
И как-то странно все кругом:
Со стороны аэродрома,
Чернея, дым вставал столбом...
Потом команда:
— В лес, в укрытье!..
Еще никто не знал из нас,
Какое страшное событие
Случилось в тот рассветный час.
Но слился рокот самолетный
С догадкой: видно, немец-гад
Прошелся строчкой пулеметной
По нам, по лугу наугад!..
А в час, когда уже не слабо
Лучилась неба вышина,
В лес прибежал боец из штаба
И жарко выдохнул: — Война!

РОТНЫЙ

— Запевай! — Но молчим.
Злость на ротного в сердце тупая.
— Стой! Налево! Ложись!
По-пластунски вперед! —
И ползем, задыхаясь
И в рыхлом снегу утопая...
Что за черт командир!
На ученьях со света сживет...
Зашагали опять.
— Запевай! — И сдались мы — запели.
Был настойчив наш ротный —
Добиться умел своего.
Ну, а главное то,
Что в атаке спустя две недели
В рост идущим под пулями
Мы увидали его!
И потом лишь о нем
Разговору и было
Среди нас, уцелевших
Под острым огнем ножевым:
— Как там наш лейтенант?
Он живой ли? Его не убило?.. —
Всем нам очень хотелось,
Чтоб ротный остался живым.

...
Ночью был об отходе приказ.
Мы в траншее с товарищем спали...
В темноте не заметили нас.
Не проснись мы — и все бы, пропали.

Шли бесшумно, храня тишину.
Лишь в груди от простуды свистело.
Даже мысль — оказаться в плену —
Пробирала мурашками тело.

...
Не обойдешь сторонкою в беседе
Год сорок первый, горестные дни.
Как ни светлы раздумья о победе,
В них не одни
Салютные огни...
На быстроту прорывов, окружений
Выл мастер враг коварный, что скрывать.
И на уроках наших поражений
Мы на ходу учились воевать.
Когда врага по гатям, перевалам
Погнали мы лесами, среди долин,
Всю же салом
Види по мусалам,
По-русски вышибая клином клин!..
Пути войны —
Вначале к Подмосковию,
Потом к Берлину
В холод, слякоть, зной —
Обагрены великой нашей кровью,
Оплачены огромною ценой.
Не счесть героев —
Будь земля им пухом,
Что полегли под холмики, холмы...
Броня — броней. Но кто сильнее духом,
Тот победил. А победили мы!
Пусть много лет сияет мир веселый,
Нам не забыть, какая битва шла,
Какой из сорок первого тяжелой
Дорога в сорок пятый год была.

ЛЕТО 1941-го

Целый день по жаре отступая,
Мы в поселок под вечер пришли.
В мыслях, в теле усталость такая!
Здесь ночуем, от немца вдали.
Благо, здание клуба пустое.
Миг — вповалку на голом полу,
Будто где-то на долгом постое,
Будто где-то в глубоком тылу.
Но тотчас донесенье разведки,
Приказание: — Дальше идти!
Догоняют нас вражьи танкетки,
Километрах уже в десяти...
Как так вышло — враги на колесах,
Мы же все — на своих на двоих?..
Вновь отходим. И в наших вопросах —
Горечь, боль без ответа на них...

...

Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.
Кругом движенье, гул, моторов вой,
А он у дома — всеми позабытый...

Был первый день войны. И первый — он,
Ничком лежащий, весь под слоем пыли.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли...

...
Эвакуаций спешных суетня,
Внезапные налеты и бомбежки...
С багровой ночи, черного ли дня
Разъединились родичей дорожки.

Кто возле моря, кто в краях степных.
Не навсегда ли кровная утрата?..
Идут доньше поиски родных:
«Ищу сестру», «Ищу отца и брата».

...
Ох, как путь отступленья постыл!
На восток от границы от самой
Отправляют нас временно в тыл,
Всех, недавно расставшихся с мамой.
И пылит, и пылит грузовик
Среди поля от зноя седого.
Командир, лейтенант-кадровик,
Не таит нетерпения злого:
— Как же так?.. Ведь с Россией беда!
Неужель, как овечки, мы кротки?
Для чего ж нам винтовки тогда?
Зря мы, что ли, надели пилотки?..
От загара, от злости пунцов,
Он из кузова смотрит в тревоге
На усталых, небритых бойцов,
Что у борта идут по дороге.
Иль забыл, что у нас, у ребят,
Должен дух поднимать?..
— Это что же? —
И ремни на нем гневно скрипят.
— Это просто на бегство похоже!
А в ответ — не ему одному! —
Небо глухо моторами стонет...
— Не пойму. Ничего не пойму.
Гонит немец! И гонит, и гонит!
Гуд все ближе. Мы в небо глядим:
Бомбовозы. Тяжелая стая.
Мимо, Курсом особым, своим.
Не бомбят, будто нас презирая.

— Ладно. Встретиться б только в бою...—
Незажженную смял папироску.
— Отведу еще душу свою.
Поиспорчу фашисту прическу!..
В ритме будничных, праздничных дел
Как же верить мне хочется ныне,
Что в боях лейтенант уцелел,
Побывал, может статься, в Берлине.
Что сполна в сорок пятом году
Наглой спеси фашистского сброда
Сам воздал он за нашу беду —
За июнь сорок первого года.

НА ПОСТОЕ

Он на ночь здесь.
Хозяйка — молодая.
Прилег, усталый, в угол
На шинель,
Подушку взял, обидеть не желая,
Но отказался (роскошь!)
Врать постель.
Не спят, вздыхают оба до рассвета,
Она — в кровати,
Он — в своем углу.
С ней рядом муж, хоть он
На фронте где-то,
А с ним жена,
Что ждет его в тылу...

...
О сладкое слово
Команды: «Привал!»
Прилег — и готово,
И в сон — наповал.
Но это другие.
Но это не я.
В минуты такие
Мне нет забытья.
Смыкаю упрямо
Глаза. Ни к чему!
Мне видится мама
В родимом дому.
Ее полушалка
Вдыхаю тепло...
Себя мне не жалко,
Пусть мне тяжело.
Ведь я же со взводом
И с ротой родной.
А сй какво там —
Старушке, одной?
Мучительно
Снова
Представить свой дом...
О сладкое слово
Команды: «Подъем!»

...
Когда, прижимаясь к земле
Щекою, беспомощным телом,
Зажмуренный, словно во мгле,
Лежишь под воздушным обстрелом, —
Вся память твоя и душа
Пронизаны тем ощущеньем,
Тем чувством, что жизнь хороша
Любым своим кратким мгновеньем,
Любым, даже этим, когда
Вдыхаешь ты запах землицы,
И все, что прожиты, года —
Не зори, а только зарницы,
Так краток их издали блеск,
Мелькнули — не видно их боле.
А с неба стремительный треск,
Он слит с ожиданием боли.
А может, не будет ее,
Все будет гораздо короче —
Кольнет только сердце твое
И весь ты — в бездонности ночи?
Мгновенна и жалость к себе,
И грусть о живущем мгновенна...
— Отбой! — донесется к тебе.
Приходишь в себя постепенно.
Колонна опять на ногах,
И «мессеров» как не бывало.
Все стихло. И только в висках
Гул крови, как после обвала.

И рад, несказанно ты рад,
Что смерть обошла стороною;
Что видишь чуть дымный закат,
Запятнанный страшной войною;
Что можешь ромашку сорвать,
Смотреть на нее неотрывно;
Что степь эта — родина-мать,
Где все, до росинки, так дивно.
И веришь: еще поживем,
Походим, побродим по свету,
Лишь только врага разобьем, —
Ликуя, что «мессеров» нету.
А те, что прожиты, года
Увидишь иными ты вскоре:
Они пред тобой, как всегда,
Не просто зарницы, а зори...

* * *

Недвижны орудья и траки.
Безмолвен исходный рубеж...
И слышно острее до атаки,
Как воздух предутренный свеж.

Снята маскировка с лафета.
И ждешь среди глухой тишины:
Сейчас ее вспорет ракета —
Зловещая птица войны.

* * *

По ракете — условному знаку —
В чуть туманный предутренний час
Поднялись мы все дружно в атаку.
Привыкать ли!.. Бывало не раз.
И успел я, винтовку сжимая,
Покидая уютный окоп,
Вскользь увидеть,
Как пуля шальная
Обагрила товарищу лоб.
Вот «ура!» уж гремит многократно,
А в глазах все виденье одно:
Как сползает товарищ обратно
На сырое окопное дно...
Отступая порой, атакуя,
Повидал сто смертей, может быть,
А вот эту, простую такую
И мгновенную, — век не забыть.
Вспоминаю бои и походы,
Вой снарядов, бомбежки, пальбу —
И все вижу сквозь многие годы
Эту смертную метку на лбу...

* * *

Едва рванулись мы за лог,
Деревне маленькой навстречу,
Вдруг — пулемет.
Наш взвод залег...
И слышу — дернуло за плечи.
Но тут же громкое «ура-а!»
И вновь — вперед что духу было,
Туда, откуда немчура
Очередями густо била.
Вперед, вперед
Сквозь жаркий шквал,
Покуда с ног не сбит,
Спешь ты!
...Потом я вещмешок свой снял —
В нем котелок,
С боков прошитый.
Сидел я в занятой избе,
Разгоряченный и усталый.
И стало вдруг не по себе
От краткой мысли запоздалой:
Уже я был бы неживой,
Чуть-чуть пониже
Пуля брызги —
Она прошла над головой
Всего на полвершка
От жизни...

* * *

Всему и всем на свете свой черед...
Когда гремел по полю взрыв за взрывом,
В атаку поднимались мы с призывом:
— За Родину, за Сталина,
Вперед!

И тот призыв с Победой, с жизнью слит.
Теперь, когда за далью канонада,
Его переименовывать не надо.
Так нам
Сама История велит.

В НАСТУПЛЕНИИ

Мы наступали дружно, смело,
И был рубеж немецкий взят...
Гигантской кузницей гремела
Окрестность эта час назад.
Железный лом кругом, воронки
И распростертые тела.
Вновь на кого-то похоронки
Писать — есть писарю дела...
Был танк — и тот не тверже воска
Здесь, в круговерти огневой.
И вот где чудо-то: березка
Стоит с нетронутой листвой!
Стоит, как будто так и надо,
Какой-то новой ждет поры.
И ни царапины, ни чада
На белизне ее коры.
А в поле, всем ветрам открытом,
Все дальше, дальше гром и гул...
Березка над бойцом убитым
Несет почетный караул...

...
Редкий дом обошла похоронка —
Скорбный листик бумаги простой.
Дорогая, родная сторона
Стала в годы войны сиротой.

Приглядись-ка вот к этому снимку,
И кого здесь узнаешь, ответь.
...Дядя Глеб с тетей Клавой в обнимку!
Лишь за месяц, как ей овдоветь!

...
На версту растянулась колонна.
В целом мире — лишь жгучая высь.
Нету сил. Но звучит непреклонно
Командирское: «Подтянись!»
Еле движемся мы по бурьяну,
И мне кажется, в этом логу
Упаду я сейчас и не встану,
Потому что уже не смогу.
Но, увидев вдали деревеньку —
Тополя да березки кругом, —
Начинаем трусить помаленьку,
Будто рядом родительский дом.
Возле тына — наверно, солдатка.
Дальше люду — как в праздник какой.
И не обруч, а перышко — скатка.
И усталость — как будто рукой.
Будто не было дня перехода,
Будто только мы начали путь.
Боевая осанка у взвода,
Шаг уверенный, бравая грудь.

* * *

Прифронтная полосу,
Пусты домов глазницы.
Стал сизым пеплом клин овса,
Стал серым клин пшеницы...

А вот — обуглена изба,
В чаду листва акаций,
Театр войны. Дома, хлеба —
Мертвее декораций.

* * *

Он был на фронте все четыре года
За много верст от дома своего.
Жена-солдатка в ящике комода
Хранила кепку старую его.

Когда тоска особенно сжимала,
Она, чтоб удержать себя от слез,
Ту кепку доставала и вдыхала
Родимый запах пота и волос.

СТАРЫЙ СОЛДАТ

(хриптах)

1

Прожгла ракета ближний лес —
И с вещмешком своим, с винтовкой
Он через бруствер перелез
И побежал рысцой неловкой.
Не видел он, что там, вдали,
Откуда неся скрежет стали,
Фонтаны взорванной земли
На миг кустисто вырастали.
Вот кто-то вскрикнул в двух шагах,
А он лишь чувствовал с досадой,
Что полы путались в ногах,
Что подвернуть шинель бы надо!
Он задыхался, но бежал.
Рубаха потная прилипла.
Винтовку вскидывал, стрелял,
«Ура!» выкрикивая хрипло.
Нет, не был он душой жесток,
Но, до предела разозленный,
Он, как бывало, вилы в стог,
Всадил свой штык в мундир зеленый!..
И тут же из последних сил
Метнулся яростно на вспышку...
Потом прикладом заслонил
Соседа — бледного парнишку...
Когда же бой затих вокруг,
Волной горячей откатился,
Он, ощущая тяжесть рук,
К стене какой-то прислонился.

Он ничего не говорил.
Стер капли пота с подбородка,
Достал кисет и закурил,
И с дымом выдохнул: — Работка!..

2

Шел день за днем. За боем — бой.
Как он фашистов ненавидел!..
Он видел танки пред собой —
Последнее, что в жизни видел...
Лежал не дома, на столе,
Не посреди своей избушки,
А на заснеженной земле,
На вечеряющей опушке.
Он был, казалось, невредим —
Ни крови рядом, ни воронки,
Снаряды фыркали над ним,
И пули чмокали в сторонке.
С руками накрест, на спине
Лежал солдат на снежном поле.
Лицо спокойно, как во сне,
В нем ни страдания, ни боли.
Но весь его спокойный вид
Как бы кричал глухой планете:
«Нет, я не умер! Я убит!
А мог еще бы жить на свете».

3

А в этот миг, сбиваясь с ног, —
Ведь столько дел! — жена солдата
К столу подносит чугунок:
— Садитесь ужинать, ребята!
В окошко виден снежный рой.
Дремотен вечер, как усталость...

Одна картошка. Да и той
Немного в погребе осталось.
Такой у малых аппетит!
Пыхтят и губы обжигают.
Их мать в окно на снег глядит,
Молчит, украдкою вздыхает.
Любви и нежности полна,
Она невздадам не сдаётся:
Вот скоро кончится война,
Домой кормилец их вернется.
Прислал письмо. Десяток слов
О немцах, Гитлере-бандите,
И о себе — мол, жив-здоров,
Мол, к посевной с победой ждите...
И ждёт она весны большой,
Нетерпеливо дни считает.
...А где-то там, где грохот, вой,
В глазах солдата снег не тает...

ПОСЛЕ БОЯ

За селом,
Где гитлеровцы драпали,
Где снега от гусениц визжат,
Два солдата —
Наш и немец — на поле,
Кончив рукопашную, лежат.

Смотрят в небо,
Мертвые, безгласные,
Бившиеся насмерть за село,
Лишь теперь
По-мирному согласные,
Что война — ужаснейшее зло...

ПОДМОСКОВЬЕ. 1942

Безлюдный поселок, разрушенный в прах,
В морозном мерцанье восхода
Фашисты, которых преследовал страх,
Оставили после отхода.
Все в белом сверкании солнечных брызг,
Как в мертвых лучах кино съемки —
Орудья и танки, разбитые вдреизг,
И труб, и заборов обломки.
Верней, не орудья, а контуры их,
Не танки, а их очертанья
В наносах, в холмистых сугробах крутых —
Как белый погост мирозданья...

* * *

Случайно в мемуарах генерала
Прочел и вздрогнул: «Зайцева гора»!
Ведь наша часть ее атаквала...
Все вспомнил я. Все было, как вчера...

Поляну мокрым снегом укрывало.
А там, в селе, на взгорье, немчура.
Бил пулемет. Свинцом нас поливало.
Бежали и кричали мы: — Ура-а!

Стучало сердце. Гром его ударов —
В висках. И вдруг — все тело обожгло.
Померк вдали багровый дым пожаров.
День снегопадом черным замело...

Я лишь теперь узнал из мемуаров:
Под вечер наши заняли село!

* * *

Друг фронтовой!
Не дали нам раненья
Среди берлинских воевать руин.
А все ж в душе такое ощущение,
Как будто тоже брали мы Берлин.

Да, счастье —
Быть причастным к миллионам,
Народ в расчет и тех солдат берет,
Кто в самом малом
Пункте населенном
К большой Победе
Сделал шаг вперед.

УРОКИ ВОЙНЫ

Война не только гнула круто,
Но и учила честно жить.
Учила каждой минутой,
Секундой каждой дорожить.

В любом — большом и малом — деле
Все исполнять учила в срок,
Хотя уж силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...

Пусть по земле родимой, русской
Война не ходит никогда.
Но жить нам — с полной нагрузкой
И в будни мирного труда.

Ценить, как тот глоток из фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок,
И не давать себе поблажки,
Не говорить: — Устал, не смог...

Всесильна жизнь! Из года в год
Цвести садам и злакам...
Все чаще сердце знать дает,
Что мне уж тридцать с гаком.
И не с того ли мир чуть-чуть
Милей по всем приметам...
Настанет день когда-нибудь,
Все будет в мире этом...
Все в жизни будет.
Только мне
Услышать не придется
Ни песню в лунной тишине,
Ни тихий скрип колодца.
Как знать, когда своей рукой,
Взрастившей жизни почку,
Над незаконченной строкой
Поставит время точку.
Но не страшусь я той руки,
Не гнусь пред ней, двужильной,
Печальным датам вопреки
Жизнь на земле всесильна!
Гореть ей радугой-дугой,
Манить ей далью лунной!..
Уйдет один — придет другой,
Красивый, смелый, юный.
Он эту песню вдалеке,
Как зов любви, услышит
И к недописанной строке
Свои слова припишет.

Здравствуй, день голубой,
Здравствуй,
Добрый знакомый,
С полем, рощей, рекой,
С тихой дремой-истоймой.

С бескорыстной твоей
Неизменчивой лаской,
Со снами лучей,
С вечной явью и сказкой!

Мы давно горячо
Полюбили друг друга.
Бронзовеет плечо —
Словно только я с юга.

Городской человек,
Но сельчанин душою,
Я сроднился навек
С полевой тропой,

Что зовет — посмотри! —
Беспредельною далью
И улыбкой зари,
И закатной печалью...

ДОМ В РОЩЕ

В белой роще — новый дом.
Золотой, сосновый.
Выше — неба окоем
Темно-бирюзовый.

Струйка дыма над трубой.
На ограде — кринка.
Тишина. Уют лесной.
Меж стволов тропинка.

Чей же этот мирный дом,
Крепко в землю вросший?
Поселился, видно, в нем
Человек хороший.

Так и ждешь, что на крыльцо
Выйдет вдруг молодка,
Повернет к тебе лицо,
Улыбнется кротко.

— Заходите, — позовет, —
Отдохните малость...
И как будто унесет
Всю твою усталость.

Коль недобрая душа
Здесь живет — досадно:
Больно роща хороша,
Празднична, нарядна.

... .

О чем-то мне подумалось когда-то,
И, если мысль заветною была,
Она со мной до самого заката
Останется, по-прежнему светла.
Среди других привычной и желанной
Всю жизнь она идет со мной вперед.
Хоть, может, интерес свой первоначальный
Давно уж потеряла. А живет...
Иное — чувства. Чаще их утрата.
Не все из них проносим сквозь года.
Всю душу всколыхнувшие когда-то,
Сегодня вдруг исчезли без следа.
Пускай ты весь изводишься от жажды
Вчерашних бурь, волнений и тревог,
Но чувства, пережитые однажды,
Не знают к нам из прошлого дорог.
Еще вчера и горячи, и колки,
Они тебя тревожили всего...
Теперь они, как давние осколки,
Что вынуты из сердца твоего.

• • •
И дождь, и слякоть, и туман,
В пустынном дне осенний холод...
Былые вёсны — как обман,
Как будто ты и не был молод.

От счастья, света нет следа,
Душа готова вдруг заплакать.
Как будто было так всегда:
Туман и мгла, и дождь, и слякоть...

• • •
Рисует мудрая природа
Этюд с названием «Зима».
Снежинки сыплет с небосвода
На путь трамвайный, на дома.

Ей это делать не впервые.
Есть вдохновенье и запал.
Да все чернеют мостовые,
Белеет только между шпал.

И то ль упорства не хватило
Засыпать землю и дома,
А может, кончились белила —
Грустна художница сама.

Она этюд забраковала
И, как простым карандашом,
Сердясь его заштриховала
Холодным сереньким дождем.

Снежок размыла, как известку, —
Чернеет пятнами вода...
Но верьте первому наброску,
Картина будет — хоть куда!

ЗИМНЕЕ УТРО

Чуть рассвет серебрится несмелый —
Ясный взгляд из-под сумрачных век,
Непривычный для города — белый
Сердце радует выпавший снег.

Все теснее толпа у трамвая,
И трамвай на ходу тяжелей,
Там и тут вереница сплошная
На работу идущих людей.

Папиросные яркие вспышки —
Словно искорки в темной реке.
Вон торопятся в школу детишки,
Кто с портфелем, кто с папкой в руке.

А снежинки ложатся на ворот,
И сверкают холодным огнем,
Все шумней, многолюднее город,
Все светлее становится в нем.

Словно вовсе не свет на востоке
Прогоняет все тени с земли,
А живые людские потоки
Это утро с собой принесли!

КОСМИЧЕСКОЕ

Идут минуты. Долог ход минут...
И наконец — все ж повезло ребятам! —
Оранжевый огромный парашют,
Как добрый знак — над звездным аппаратом!
И там, откуда шел про спуск рассказ,
Звучат хлопки, звучат аплодисменты.
Там волновались, знать, не меньше нас.
Бывают ли счастливей моменты!
Вот и земля. Осталось люк открыть.
Родная степь, герои вновь с тобою!..
И до чего ж охота закурить.
Так на войне бывало после боя.

...
Звонким полозом кошевки
Напеваёт санный путь.
Лошадиные подковки
Забросали снегом грудь.

Хорошо в родных просторах!
Вечер. Поле. Тишина.
Убаюкал снежный шорох,
Укачала белизна.

Никакой вблизи приметы.
Поглядишь вперед, назад —
Лишь деревьев силуэты
Над сугробами скользят.

Долго тянется проселок.
Нету края дали той,
Где небес туманный полог
Слился с белою землей...

Может статься, чей-то голос
Прозвучит за мной вослед:
«Про какой он пишет полоз
В век космических ракет?»

Ничего я не отвечу,
Славя русскую зиму.
Вон огни бегут навстречу,
Прямо к сердцу моему.

ВЕЧЕР В ПОСЕЛКЕ

Зимний вечер приходит в поселок,
В задремавшую рядом тайгу
Синевой у серебряных елок
На серебряно-белом снегу.

А когда над лесным частоколом
Загустеет закатная медь,
Все вокруг, что открыто и голо,
Начинает слегка розоветь.

Розоваты под снежною ватой
Лапы елок у низких ворот,
И дымок над трубой розоватый,
И в наносных холмах огород...

Вот в избе за сугробами где-то,
Где безмолвье и белая мгла,
Золотистая капелька света
Так приветно к себе позвала.

Вот за нею другую и третью
Холодеющий вечер зажег...
А мороз обжигает, как плетью,
И скрипит под ногами снежок.

Даже красное в небе светило,
Тусклый блеск разбросав по лесам,
На морозе как будто застыло:
Поглядишь — и не больно глазам.

От мороза сторожка ёжится,
Лес белеет, к себе маня.
Как вам нынче живется-можется?
Не скучаете без меня?

Одиноко вам тут, за городом,
В поле снежная тишина.
Лес пронизан зарей и холодом,
И сторожка едва видна.

Все кусты и пеньки под шапками,
Под богатыми — из мехов!
Снег пушистый узоря лапками,
Зайка прыгает меж кустов.

Гаснет зорьки полоска узкая,
И косою задремал у пня...
Все такое родное, русское,
Без чего не прожить и дня.

Женщина таинственна. И этим
Хороша... Сейчас или потом
Всю ее понять, когда мы встретим,—
Значит, воду черпать решетом...

Вот она стоит перед тобою,
Тайна и загадка, как всегда.
«Нет» — качает гордо головою,
А в глазах лукаво светит «Да».

...
Сойдя на полустанке,
Усталый пассажир
Шагает по полянке
В полузабытый мир.

Сосна сторожевая
Зовет его в тайгу.
И сказка оживает
Здесь на любом шагу.

Во взгляде и походке
Заносчивости нет,
Остались где-то сводки,
Доклады, кабинет.

Прокуренный весь за год,
Вдруг понял человек,
Что запах смол и ягод
Вкуснее, чем «Казбек».

Помахивает шляпой,
И — что за разговор! —
Пусть ель зеленой лапой
Хватает за вихор!

И диву даться можно,
Как бледная рука

С рубашки осторожно
Снимает мотылька.

Простой необычайно,
Беспечный, как дитя,
С попутчиком случайным
Смеется он, шутя.

Такой хороший, славный,
Так весел, добр и мил!..
А ведь совсем недавно
Он лишь начальством был.

НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ...

Просто плохо спалось по ночам,
А в больницу зашел на минутку —
И с тех пор заболел не на шутку
От ходьбы по аптекам, врачам.

ПУСТОБРЕХ

Прибыл с лекцией в колхоз
Некий дядя — и понес:
— В смысле диалектики,
Нормативной этики
Сей вопрос, как таковой,
Будет базой силовой
Для стабилизации
И консолидации
Всей кооперации...—
Помолчал, вздохнул, затем
Бросил строго:
— Ясно? Всем?

Не стерпел какой-то дед,
В том же духе дал ответ:

— Видишь... Так-то оно так,
И не как-то либо как.
Ну, а что касательно,
То не обязательно.
Хоть и применительно,
Страсть обременительно.
В общем, относительно
Мало нам пользительно.
Да... Оно бы и не надо,
Ни к чему, а доведись —
Завсегда, конечно, рады...
Ясно молвил я, кажись?

• • •

Опять в саду цветет сирень...
Друзья! Мое вам пожеланье:
С любимой каждый новый день
Встречать, как первый день свиданья;
Не знать до старости разлук,
Оберегать сердца от скуки
И так ценить своих подруг,
Как будто завтра — день разлуки.

• • •

Звучанье песен старых — звон капли,
Далекой нашей юности прибой,
Когда без микрофонов славно пели,
Не видя телекамер пред собой.

Любимые и милые мотивы!
Звучат они, по-прежнему близки.
Опять с певцом вы молоды, красивы...
А оборвется песня — старики.

ЗВЕЗДОЧКА

Какое дело звездочке далекой,
Что говорят, что думают о ней,
Когда она
В безбрежности глубокой
Возникнет вдруг
Над сумраком полей!

Не всяк ее,
Быть может, и заметит,
Но, утверждая жизни торжество,
Горит она, и теплится, и светит —
Песчинка мира, искорка его.

И вижу я, теплом ее согретый,
Окинув взглядом отчие места,
Что без нее,
Без искорки вот этой,
Беднее станет
Жизни красота.

Насильно замуж выдали ее.
Любила не его —
Совсем другого...
На муже вымещала
Зло свое.
Но дети вот —
И нет пути иного...

Прошла их жизнь,
Ничем не веселя...
Стал плох старик.
Отходит. Дышит глухо...
— Я тут тебе сварила киселя,—
Вдруг подобрев,
Промолвила старуха.

— Нет, не хочу...
Кисель ему постыл.
Но помолчал и — тихо:
— Дай немного...
И было ясно: он ее простил.
За все простил
У смертного порога.

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далеком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком —
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое —
Сады в черемушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я —
Здесь неизвестно никому.
И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.
Иду. Старушка мне навстречу:
И вновь — почтительный поклон.
Мод, кто б ты ни был, человеке,
Живи и здравствуй, в мир влюблен.
И вроде больше стало света,
И зацвели сады пышней
От душевного привета
Проживших долгий век людей.
Запомнив их простые лица,
Я после сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»
Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой —
Душа российского народа,
Его характер золотой.

Нет ничего безликого на свете,
На всем своя особая печать.
Невежество узнаешь по приметам:
Оно безмерно любит поучать.

А у величья — скромное обличье:
На нем морщины черного труда.
И поучать не станет нас величие,
Лишь дать совет решится иногда.

* * *

Лежу в траве на берегу пологом,
Шуршит жучок у самого виска.
О чем мечты? Не знаю я. О многом,
Что в слове «жизнь»
Нам светятся века.

На фоне неба,
В знойной дымке томной,
Как в глубину задумчивой реки,
Ель вековая щукою огромной
В синь погружает ветви-плавники.

ГОЛОС В ПОЛЕ

Не знаю, что за птица,
Но до сих пор со мной
И вечер, весь в зарницах,
И голос птицы той.

Настойчиво, упрямо,
То громче, то слабей
Она все «мама! мама!»
Кричала среди полей.

Уже белесой дымкой
Вокруг роса легла,
А птица-невидимка
Умолкнуть не могла.

Уж неба панораму
Закрыла плотно ночь,
А ей, зовущей маму,
Никто не мог помочь.

ПЕРЕПЕЛКА

Опустело на проселке.
Сна глубокого пора.
Только голос перепелки
Не смолкает до утра.

Только ей одной забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

...

Бор — зеленая обитель.
Словно сосны,
День высок.
— Митю видел?
Митю видел? —
Звонкий птичий голосок.

Кто такой он, этот Митя?
Чей, кому товарищ, брат?
Но, как в детстве:
— Видел, видел! —
Я ответить птичке рад.

Митя — друг ее, наверно.
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Мол, не видел ли его.

У скалы, у темной кручи
Ты увлекся поплавком.
Наползли, скопились тучи,
Ветер кешку сбил рывком.

Зашумела, забурлила
И запенилась река.
Помутнела враз от ила
И размытого песка.

Вспышки —
Словно быют зенитки.
Небо рушится треща.
Вот уж ты промок до нитки —
Ни зонта нет, ни плаща.

Как же быть?
Куда же деться?
С тощей снизкой пескарей?..
Впрочем, что ж ты,
Вспомни детство —
Прыгай в речку поскорей!

А река-то, в самом деле,
Как парное молоко,
Сразу дрожь пропала в теле,
Стало весело, легко.

И, хваля твою смекалку,
Солнце выглянуло вдруг.
Продолжай свою рыбалку,
Вылезай из речки, друг!

Вбежал внучонок с улицы —
Уж так он рад весне!
Букетик одуванчиков
Протягивает мне.

— Смотри, какие выросли!
Еще не видел ты?
Как маленькие солнышки,
Горят в руке цветы.

А я смотрю на малого,
Цветам не столько рад:
Светлее одуванчиков
Глаза его горят!

...
Я в памяти надолго сберегу,
Как у костра под кедром мы сидели,
Как собирали ягоды в логу,
Как ждали здесь подснежников в апреле.

И жаль, что вновь услышать не смогу,
Как здесь шумят березы, кедры, ели:
Подъемный кран шагает на тайгу,
У города свои большие цели.

Теряют сосны купол голубой,
Прощаясь с белым светом болью краткой,
И что звалось красавицей тайгой,
Теперь зовут строительной площадкой.

...
Сейчас повсюду и везде
Слова и речи в разном роде
Об окружающей среде,
Об окружающей природе.

Порублен лес. Засох ручей...
Вот вроде любим мы природу,
Но от словес не легче ей,
А тяжелее год от году...

...Бывало, скроет до плечей,
Едва ты с берега соступишь,
А нынче — узенький ручей,
Где донный камень кажет кукиш.

Так мало стало в ней воды,
Что даже голос потеряла:
Уж не поет на все лады,
Течет неслышно, тихо, вяло.

Да, незавидное житье,
Была река, звалась Барзасом,
И вот — как не было ее.
Не заблудился ли я часом?..

Но, без особого труда
Сдвигая каменную грудю,
Вдруг мощно хлынула вода
Через открытую запруду!

Река привольно разлилась,
Как в половодье, в полдень вешний,
И обрела былую власть,
И обрела свой голос прежний!

...Не торопитесь хоронить
Поэта, коль молчит подолгу.
Не перестал он жизнь любить,
Молчит по внутреннему долгу.

Он силы копит в тишине,
Распределяет их умело,
Чтоб на высокой на волне
Его поэзия взлетела!

Шел человек полями и лесами.
Смотрел на мир влюбленными глазами,
Искал слова, чтоб людям рассказать,
Как хороша земля его родная
И в зимний день, и в день цветущий мая,
Как в этом мире радостно дышать.

Слова теснились пестрою гурьбою —
С листвою, с цветами, с речкой голубою,
С машинным гулом, с запахом хлебов.
Но все, что в сердце искрилось и целось,
Не так звучало, как ему хотелось,
И легких крыльев не было у слов.

А где-то в поле, памятном от века,
Счастливый взор другого человека
Впивался жадно в ту же красоту.
Его душа мелодию рождала,
Да только слов ей нужных не хватало,
Чтоб полететь, окрепнуть на лету.

И, уловив минуту дорогую,
Одна душа услышала другую —
Как глубока их родственная связь!
Словам дано привольное звучанье,
А смутным звукам — точное названье.
Поют.

Ты слышишь?

Песня родилась!

* * *

С увлечением книжку дочитал,
Переполнен свежим, светлым чувством,
И еще, наверно, с час листал,
Наслаждаясь истинным искусством.
Все, что было в сердце, на уме,
В миг, когда закрыл я книгу эту,
Захотелось выразить в письме,
Благодарность высказать поэту.
То-то будет радостно ему
Получить восторженное мненье!..
Но, скользя глазами по письму,
Я в душе почувствовал сомненье.
Нет, пожалуй, незачем мне лезть
Со своим горячим излияньем.
Вдруг порыв мой примет он за лезть,
Гордый, избалованный вниманьем.
Может, в этом отклике простом
Что-нибудь не так совсем сказалось...
Долго размышлял я над письмом.
И письмо... непосланным осталось.
...Ах, как часто, искренность любя,
Избегая слов и дел фальшивых,
Мы привыкли сдерживать себя
В самых добрых чувствах и порывах!
Перед кем-то, очень дорогим,
Запираемся душою чуткой,
Обходясь молчанием глухим
Или просто грубоватой шуткой.
Если б знал ты, доброе тая,
Проходя с застенчивостью мимо,
Что как раз признательность твоя
Человеку так необходима!..

* * *

Пропахший травами и хвоей,
Порою мокрый от дождя,
Делюсь я радостью с женою,
Под вечер из лесу придя:

— Ну, поздравляй меня с удачей.
Хороший выдался денек.
Я нынче справился с задачей,
Гляди-ка, сколько сделал строк!

С природы все. Пока — наброски,
Так, разговор с самим собой.
Но штрих живой, пускай неброский,
Дороже выдумки любой.

Что видел, слышал — пригодится:
И всплески рыбы на реке,
И в лодке — в стареньком корытце —
Мальчишка с удочкой в руке,

И переключка конских ботал,
И взлет тяжелый глухаря...
Неплохо, в общем, поработал,
Считай, что день прошел не зря.

— Ишь, поработал! —
Вижу, теща
Сейчас подпустит мне ежа.
Работать так куда, мол, проще,
На пень тетрадку положи.

Ну так и есть...

— Нашел работу!

Сидеть на солнце, спину жечь.
Добро бы жердь прибил к заплоту,
Сметал бы стог, сложил бы печь.

А то — стихи. Да неужели
За это деньги платят вам?
Вот чудачки. Совсем сдурели.
Привыкли к разным пустякам...

Наутро тихо, без бахвальства,
Беру я гвозди, молоток
И — где по шляпкам, где по пальцам —
Такой там поднял стукоток!

...Готова новая ограда.
Светла, как летняя заря.
И сам я рад, и теща рада.
Смеется: — День прошел не зря.

И хоть заноза на занозе,
Доволен я, как ученик...
Нет в жизни места скучной прозе,
Вся жизнь — поэзии родник!

... .

Есть видимость цветения,
А поглядишь на свет:
Красивое растение —
Обычный пустоцвет.
Есть видимость поэзии,
Но острый взгляд, как нож,
Разрежет строчки резвые —
И в них проступит ложь.
Есть и добро, похожес
На зло. Но жизнь и там
Проявит все хорошее,
Расставит по местам,
Советов поучительных
Не дам. Не обессудь.
Я сам ищу мучительно,
Где видимость, где суть.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

Из далекой из Ясной Поляны
Вместе с грустью задумчивых строк
Получил я от друга неожиданно
Золотистый кленовый листок.
Угловат, невесом и неярок,
Отзвенел на ветру и увял...
Но как дорог мне этот подарок,
Как он сильно меня взволновал!
С юных лет представлял я Толстого
Мудрецом, величайшим творцом.
Для меня он был вроде святого
С бородатым и строгим лицом.
А сегодня живого живее
Я увидел властителя дум
Просто старцем
На летней аллее,
Где и солнце, и лиственный шум.
Одиноких раздумий любитель,
Он гуляет. Вблизи никого.
И зеленая эта обитель —
Не музей, а усадьба его.
Вот присел на скамейку под кленом
В светлом мире деревьев и пчел,
Вскинул брови и взглядом влюбленным
Все вокруг, как хозяин, обвел.
...Скрылось солнце.
При ламповом свете
Он опять за столом, над строкой.
И уже не старик в кабинете,
А великий художник Толстой!

Пушкин — наше небо. Все под ним.
С тем, что мы имеем и умеем —
С маленьким багажником своим —
Смотрим в это небо и немеем.

А вдали и рощи, и холмы
Манят нас.
И был бы путь неспосен,
Если б не надеялись и мы
На свою
На Болдинскую осень.

О ПРОСТОТЕ

Обидно мне за простоту:
Иной в презрении ретивом
Ее обходит за версту
И называет примитивом.
За сложность ратует такой,
В нее лишь верит непреложно,
Не зная истины простой,—
Что эта сложность часто ложна.
Абстракций красочный потоп
Увидят «тонкие» эстеты
И начинают морщить лоб,
Искать какие-то секреты.
Мол, сразу видно мастерство.
Здесь что-то есть, хоть непонятно...
Да бросьте! Нет же ничего,
Одни бессмысленные пятна.
Иль что-то модное прочтут,
Где даже формулы меж строчек,
И снова ищут смысла тут —
В стихах без запятых и точек.
Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой природной,
Не с той, что хуже воровства,
А с той — высокой, благородной.
О простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надежен.
Она — как скромный свет берез,
И вместе с тем — как блеск из ножен.

Творцы картин, симфоний, книг ли —
Все эти люди среди нас.
И мы настолько к ним привыкли,
Что мало ценим их подчас.

Заслуги близких не в новинку,
Теплей о предках говорим:
Как счастлив был, кто видел Глинку,
Встречался с Пушкиным, с Толстым.

Вот так, грустя над «Тихим Доном»
Иль шуткам Теркина смеясь,
Не раз со вздохом затаенным
Потомок скажет и про нас:

Мол, были некогда счастливцы,
С кем шел бок о бок до конца
И житель Вёшенской станицы,
И автор «Книги про бойца»...

ПАМЯТИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Как-то раз, простой и свойский,
Добрый, видно по всему,
Петр Иванович Замойский
Дал записку нам к нему.

Помню радость, счастье наше,
Той записки лад и склад:
«Дорогой,— в ней было,— Саша!
Посмотри стихи ребят.

Оба парня — из Сибири.
Мне понравились они.
Может, что-то в «Новом мире»
Напечатаешь? Взгляни».

Голова ходила кругом.
Но недолог юный пыл —
Для кого-то был он другом,
А для нас великим был.

Серебрились солнца блики...
Мы раздумались в пути —
И к тому, кто был великим,
Не осмелились пойти...

Талант, любовь
Нужны в любой работе.
Не так-то просто
Сделать даже стол...
Едва ли ты найдешь
В своем блокноте,
Чего ты прежде
В сердце не нашел!

«ЭГЕ» НА СЕЛЕНГЕ

«Э-ге-гей вы, берега!
Небеса, вы — э-ге-гей!
Э-ге-гей ты, Селенга!
Облака и ветровей!..
Слышишь,
Слышишь, Селенга!
О-го-го-го!
А-га-га!»

Дмитрий Смирнов

Шел я лугом... Дед Аггей
Окликает:
— Э-ге-гей!
До Аггея — два шага.
— Сочиняешь все?
— Ага.
— Все про нашу Селенгу?
— Про нее, отец. Угу...
Сели мы на берегу.
— Почитал бы что!
— Могу.
Только начал — у него
Брови кверху:
— О-го-го!
Дочитал я, слышу вздох:
— О-хо-хох ты, о-хо-хох!
Рядом, в зарослях ольхи,
Птичка прыснула:
— Хи-хи!
И, встревожив берега,
Гуси дружно:
— Га-га-га!
А в дугах — звончей всего —
Покатилось: — И-го-го!

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
И в витринах от солнца огни,
Через многие годы разлуки
Повстречались случайно они.
— Здравствуй!
— Здравствуй!
И радость плеснулась,
Засветилась в глазах огоньком.
Что-то давнее в сердце проснулось,
Позабыли, что люди кругом.
— Как живешь?
— Да уж, видишь, седая...
Помаленьку живу, ничего.
«Для меня ты всегда молодая!» —
Прочитала во взгляде его.
И тотчас же ответила взглядом:
«Помню, помню далекие дни!..»
Словно парень и девушка — рядом
Долго, молча стояли они.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Рано поколенью моему
Испытанья выпали на долю —
Жизни путь начать в огне, в дыму
По насквозь простреленному полю.

Как ни тяжело было на войне,
Как мы там ни мучились, страдая,
Дорого навек то время мне.
Потому ль, что молод был тогда я?..

...

Покидают тихо жизни праздник
Те, чье имя: бывший фронтовик.
Самый молодой войны участник —
Сын полка — и тот уже старик...

Вот газета. Там, где про осадки,
Про театр и фильмы строчек строй,
Траурные рамки — как оградки
Над могилой, над землей сырой.

...
Могут посчитать, что ловим блох мы,
Говоря об этом в сотый раз:
У артистов — битлзовские лохмы,
А ведь фильм-то про войну, про нас.

Пусть играешь маленькую рольку,
Все — до стрижки! — правдой быть должно.
«Полубокс» любили мы и «польку»,
А не патлы эти, что в кино.

...
Ах, мой друг. Задушевный мой друг.
Никогда мы не встретимся больше...
Знаешь, что мне подумалось вдруг?
А ведь мог ты пожить и подольше.
Речь о том не случайно веду.
Как ты сам говорил мне, бывало,
Долгожителей в вашем роду,
Коль умом пораскинуть, немало.
Образ твой бескорыстно любя —
В час нелегкий для сердца опору, —
Вспоминаю я парнем тебя
В довоенную давнюю пору.
На все руки ты мастером был —
Журналист и лихой городошник,
С балалайкой, с гармошкой дружил,
Брал призы как любитель-художник.
В те года никакая беда
Не грозила перстом алкогольным.
Гулеванил наш Гурьевск тогда
Лишь по праздникам редким престольным.
А когда отгремел над Москвой
В честь Победы салют долгожданный,
Крепко запил народ фронтовой,
Гостенек в каждом доме желанный.
Разливанное море-вино
Затопило российские дали.
В «забегаловках» слился в одно
Звон стаканов со звоном медалей.

И пошло и поехало: «Пей!
Отдыхай от войны-непогоды!»
Растянулось веселье тех дней
Не на год, а на многие годы.
Помню, в землю я будто бы врос,
Когда ты, друг, ходивший в атаки,
Боевые награды принес:
— Дай мне трешку за все железяки!
Позабуду ли, как ты лежал
Там, где шприцы, таблетки да склянки,
Как, распухнув, надсадно дышал,
Угасал от сердечной водянки.
Угасало, как зимний закат,
Все, что в юном тебе расцветало,
Чем ты был от природы богат,
Что возвышенным так и не стало...
Ты не просто скончался — убит!
И на память нам то, что хотели —
И «Московского дворика» вид,
И пейзаж, где «Грачи прилетели»...

* * *

Сразу после войны удивляло немногих:
Среди шумного люда в базарные дни
Часто видели мы инвалидов безногих —
На дощечках колесных катались они.

А теперь, к удивленью, их видно не стало,
Слово все под крутую попали волну...
Да, недолго для них в небе солнце блистало,
Ненадолго они пережили войну.

Зори весен со мною,
Просыпаюсь — смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.

Славлю пору расцвета,
Солнце жаркого дня.
А какое-то лето
Расцветет без меня.

Славлю осени просишь,
Желтизну на лугу.
А какую-то осень
Я воспеть не смогу.

Славлю звонкий зазимок,
Белизны благодать.
А когда-то снежинок
Не смогу увидеть.

Грустно думать об этом.
В край ночной, далеко
И зимою, и летом
Уходить нелегко...

ВРЕМЯ

Твое письмо получит адресат,
А уж оно — посланье из былого.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок за словом слово.
В них весть о чем-то, что уже прошло,
И настроенье то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты, —
Все прошедшим стало...
Читает добрый друг твое письмо,
И невдомек ему в минуты эти,
Что время с ним беседует само
О том,
Как мимолетно все на свете...

...
Когда ты спишь, мне грустно почему-то,
Как будто далеко ты от меня,
Проходит за минутою минута,
Тоскливое молчание храня.

Не мне ли знать, как за день ты устала,
А на сердце тревожно, хоть буди:
Мне кажется, что жить ты перестала,
Что нет уже дыхания в груди.

И так услышать голос твой мне надо,
И так сильна в душе моей гроза,
Что ты и впрямь
От пристального взгляда
Приоткрываешь сонные глаза...

...
Ну и что ж, что мы в свой срок уйдем:
Не такие люди уходили...
А пока полны мы летним днем,
Что еще в зените, в полной силе.

Нам навстречу шествуют леса,
Хлопает в ладошки кустик малый.
Осеняют день наш небеса
Синевой, грозою, зорькой алой...

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

Мы подчас как малые ребята:
Ненадежна дружбы нашей нить.
Часто смотрим косо на собрата,
Не умеем труд чужой ценить.

✓ Не шу^тя отстаиваем право (-т-)
Первым парнем зваться на селе.
А зачем? Подумаем-ка здраво:
Нас и так немного на земле...

РОДСТВО ДУШ

...А тружусь я с надеждой одною,
Одного утешенья ищу:
Должен кто-нибудь вместе со мною
Загрустить, если я загрущу.
Не хочу недоверьем обидеть
Тех, с кем радость работы делю:
Должен кто-то любить, ненавидеть
То, что я ненавижу, люблю.
Должен кто-то моими глазами
Видеть мир, окружающий нас, —
Облака над полями, лесами,
И веселого дождика пляс,
И небесной дуги самоцветы
В зеркалах успокоенных луж...
Для кого бы творили поэты,
Если б не было родственных душ?

...
Неисчислима звездная семья.
И, как гласит народное предание,
В том сонме звезд
Есть где-то и твоя,
Твоя со дня рожденья
До скончания.
Живой ее огонь, смотри, не сглазь.
Раз он горит —
Недаром, видно, тратится...
Узнать бы,
Для чего звезда зажглась,
Поверить бы,
Что долго не закатится!

ДОБРОЙ НОЧИ

Открыл окно ночное — покурить.
Перед окном стена другого дома.
Не все там свет успели погасить.
И все там незнакомо и знакомо.

В квадрате света — мальчик за столом.
Готовит, видно, школьные уроки.
Наверно, долго бегал перед сном,
У поздней ночи урывает сроки.

В другом квадрате — женщина белье
Развешивает в кухне на веревке,
Устала, но движения ее
Полны обычной ловкости, сноровки.

В квадрате третьем — двое у окна:
Она и он. Целуются при свете.
У них и поздней осенью весна.
И нет счастливей их в минуты эти...

Все кончится. Все порастет быльем.
Ну, а пока спокойной, доброй ночи
И мальчику, и женщине с бельем,
И любящим, что смотрят очи в очи!

СОДЕРЖАНИЕ

«В пути, раздумьем раненый...»	5
Змей	6
У переката	7
Букет	8
С покоса	9
«Я рос в семье, где добывали...»	10
«Полями ли шагаю...»	11
«Помню первый свой в жизни стижок...»	12
«Работой радостной полна...»	13
«За селом, где стога...»	14
Ягоды	15
Иван Купала	16
В лесу	17
«Между маем и сентябрем...»	18
«Золотой лучистый колос...»	19
На кладбище	20
«Прозрачные сумерки летние...»	21
«Ни мысли нет, ни чувства нет...»	22
Подсолнухи	23
«Бездонно в небе вольном...»	24
После рыбалки	25
Стога	26
Колосок	27
«На поле пала тень...»	28
«Что понику ты, мой подсолнух...»	29
«Как хороша вода бывает в зной...»	30
Луг заливной	31
В разливе	32
Вечный огонь	33
Апрель 1941-го	34
В ночь на 22 июня 1941 года	35
«Призывники, мы так немного...»	36
Ротный	37

«Ночью был об отходе приказ...»	38
«Не обойдешь сторонкою в беседе...»	39
Лето 1941-го	40
«Всю жизнь перед глазами, как живой...»	41
«Эвакуаций спешных суетня...»	42
«Ох, как путь отступленья постыл...»	43
На постое	45
«О, сладкое слово...»	46
«Когда, прижимаясь к земле...»	47
«Недвижны орудья и траки...»	49
«По ракете...»	50
«Едва рванулись мы...»	51
«Всему и всем на свете свой черед...»	52
В наступлении	53
«Редкий дом обошла похоронка...»	54
«На версту растянулась колонна...»	55
«Прифронтовая полоса...»	56
«Он был на фронте все четыре года...»	57
Старый солдат (триптих)	58
После боя	61
Подмосковье, 1942	62
«Случайно в мемуарах...»	63
«Друг фронтовой!..»	64
Уроки войны	65
«Всесильна жизнь!..»	66
«Здравствуй, день голубой...»	67
Дом в роще	68
«О чем-то мне подумалось когда-то...»	69
«И дождь, и слякоть...»	70
«Рисует мудрая природа...»	71
Зимнее утро	72
Космическое	73
«Звонким полозом кошечки...»	74
Вечер в посёлке	75
«От мороза сторожка...»	76
«Женищина таинственна...»	77
«Сойдя на полустанке...»	78
Не было печали...	80
Пустобрех	81
«Опять в саду цветет...»	82
«Звучанье песен старых...»	83
Звездочка	84
«Насильно замуж выдали се...»	85
Русский поклон	86
«Нет ничего безыкого на свете...»	87

«Лежу в траве...»	88
Голос в поле	89
Перепелка	90
«Бор — зеленая обитель...»	91
«У скалы, у темной кручи...»	92
«Вбежал внучонок с улицы...»	93
«Я в памяти надолго сберегу...»	94
«Сейчас повсюду и везде...»	95
Река	96
«Шел человек полями...»	97
«С увлечением книжку дочитал...»	98
«Пропахни травами и хвоей...»	99
«Есть видимость цветения...»	101
Кленовый листок	102
«Пушкин — наше небо...»	103
О простоте	104
«Творцы картин...»	105
Памяти А. Т. Твардовского	106
«Талант, любовь...»	107
«Эге» на Селенге	108
Встреча	109
Мое поколение	110
«Покидают тихо жизни праздник...»	111
«Могут посчитать...»	112
«Ах, мой друг...»	113
«Сразу после войны...»	115
«Зори весен со мною...»	116
Время	117
«Когда ты спишь...»	118
«Ну и что ж, что мы в свой срок...»	119
Собратьям по перу	120
Родство душ	121
«Неисчислима звездная семья...»	122
Доброй ночи!	123

Небогатов М. А.

Н39 Вечерние огни: Стихи разных лет.— Ке-
меровское кн. изд-во, 1989. 126 с.

ISBN 5—7550—0064—6

Воспоминания о детстве и фронтовых дорогах,
размышления о смысле жизни и творчества легли
в основу нового сборника стихов известного кузбас-
ского поэта.

Н 4702010202—30 89
М 145(03)—89

ББК 84.3Р7

Литературно-художественное
издание

Небогатов
Михаил Александрович

«ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ»

Стихи разных лет

Редакторы **В. В. Саволова,**
В. М. Баянова

Художественный редактор
В. П. Кравчук

Технический редактор,
Г. Н. Малюжина

Корректор **Е. А. Царева**

ИБ № 1328

Сдано в набор 27.09.88.
Подписано в печать 26.01.89.
ОГПОЗМОЗ. Формат 70X90^{1/8}.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура Минго. Печать высокая.
Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 6,97.
Уч.-изд. л. 3,35.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4662.
Цена 35 к.

Кемороновское книжное издательство,
Кемороновский полиграфкомбинат.
Адрес издательства и типографии:
650059, г. Кемороно, ул. Ногородская, 5.

